

С.С. Арнольди

**Цивилизация и дикие
племена**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С11

С11 **С.С. Арнольди**
Цивилизация и дикие племена / С.С. Арнольди – М.: Книга по Требованию,
2021. – 264 с.

ISBN 978-5-458-54810-6

ISBN 978-5-458-54810-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

группъ быстро старѣющаго поколѣнія, которое, въ минуты откровенности, должно сознаться предъ собою, что оно не мало поклонялось идоламъ, разукрашеннымъ звонкими словами. Эта группа, придя къ разочарованію, къ скептицизму, къ индифферентизму, оставила въ уголку своего сердца привязанность къ громкимъ словамъ, вѣру въ ихъ с у б с т а н ц і а л ь н о е значеніе и возьметъ эту привязанность и эту вѣру съ собою въ могилу. Богъ съ ними! Не будемъ мѣшать ихъ продолжительной агоніи вдали отъ всего живаго.

Но съ читателемъ мнѣ хочется поговорить объ этомъ предметѣ. Слово цивилизація встрѣчается такъ часто, что желательно, чтобы лица, его употребляющія, и лица, его воспринимающія связывали съ нимъ возможно болѣе определенное значеніе. Между тѣмъ, не только Шоттингъ, но весьма многіе не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ его смыслѣ. Это замѣчаемъ даже часто у писателей, не только въ обыкновенной прессѣ, но у авторовъ ученыхъ, и даже много-ученыхъ; не только у насъ, но и за границею. Поэтому для уясненія предмета, прежде всего обратимся къ его литературѣ.

2. Литература о цивилизаціи до Гизо.

Думаю, что еслибы я имѣлъ подъ руками томъ Энциклопедіи Эрша и Грубера, гдѣ находится слово *Civilisation*, то могъ бы сказать читателю, кто первый, когда и въ какомъ значеніи употребилъ это слово, и затѣмъ какіе фазисы представляетъ его литература; но Эрша и Грубера у меня подъ рукою нѣтъ, да и я пишу не въ Петербургѣ, слѣдовательно, относительно литературы прежняго времени не могу доставить читателю особенныхъ свѣдѣній. Впрочемъ, оно и не особенно нужно. Ограничусь тѣмъ, что дать могу.

Первое, что слѣдуетъ замѣтить, это — употребленіе рядомъ со словомъ цивилизація, съ давнихъ поръ и до нашего времени другаго слова: к у л ь т у р а. Большею частью эти слова употреблялись и употребляются почти какъ сино-

ними. Грессе и Бидерманъ объ исторіи цивилизаціи Гизо даже прямо выразились, что Гизо написал исторію культуры. Напротивъ, другіе различали эти слова, придавая имъ довольно произвольное отношеніе. Такъ Фольграфъ подводитъ цивилизацію подъ терминъ культуры, какъ частное проявленіе подъ болѣе общее. Культурою называетъ онъ ¹⁾ „результатъ и виѣшнюю дѣятельность всего внутренняго челоуѣка въ психическомъ, чувственно-духовномъ, нравственномъ и лингвистическомъ отношеніи“. Цивилизація же есть для него „главный моментъ культуры въ общирномъ смыслѣ“; — продуктъ культуры, выражающейся въ гражданской и политической организаціи“. Слѣдовательно, для Фольграфа отношеніе культуры къ цивилизаціи соответствуетъ отношенію общественности къ государственности. Впрочемъ, это разграниченіе едва-ли кѣмъ было принято, тѣмъ болѣе, что для упомянутаго отношенія существуютъ уже установленные термины, не пугающіеся въ замѣтъ, а историческіе прецеденты не дозволяютъ уже придать слову „цивилизациа“ только значеніе политическихъ формъ и процессовъ. Остается употребить эти термины или какъ тождественные синонимы, или придать имъ различное значеніе соотвѣтственно тому накопленію матеріала, который существуетъ въ наше время. Надо замѣтить, что французы употребляютъ почти исключительно, англичане же преимущественно слово цивилизація, нѣмцы предпочитаютъ вообще слово культура. Вслѣдствіе этой синонимности придется и намъ, имѣя въ виду литературу цивилизаціи, говорить и о сочиненіяхъ, употребляющихъ исключительно слово культура.

Уже съ прошлаго вѣка начинаютъ появляться спеціальныя и болѣе общія историческія сочиненія по этой отрасли, хотя исторія продолжала имѣть въ виду лишь дѣла государей, дворовъ и кабинетовъ. Народы, говоритъ Бидерманъ, появлялись лишь какъ страдательный матеріалъ, или терпя за бе-

---

¹⁾ K. Vollhraft: «Staats und Rechts-philosophie» I Th. 2-te Abth. Изд. 1864 г. 8 и 9 стр. (изд. 1852 г.).

зуміе повелителей, или служа орудіями для ихъ цѣлей, что соотвѣтствовало общераспространенной системѣ безусловнаго господства государей, безусловной подчиненности и пассивности народовъ. По мѣрѣ того, какъ въ политическихъ воззрѣніяхъ государство становилось выше и выше, рядомъ съ его главами и представителями, по мѣрѣ того какъ дѣйствительная исторія доказывала, что народы не такъ пассивны, какъ это прежде предполагали, и книжная исторія обращалась болѣе къ внутренней государственной жизни, къ развитію государственнаго строя и государственнаго управленія, законовъ и учреждений. Но и политическія формы, въ ихъ измѣненіи, для болѣе внимательныхъ историковъ, выказывались лишь внѣшностью, за которою скрывалась настоящая жизнь народовъ, ихъ матеріальныя и духовныя потребности со всѣми разнообразными формами, служащими къ удовлетворенію этихъ потребностей. Политическая экономія пыталась стать на степень науки. Экономическая жизнь въ ея различныхъ отрасляхъ потребовала мѣсто въ исторіи и заслонила во многихъ случаяхъ явленія жизни политической. Въ литературѣ и въ искусствѣ открыли богатую сокровищницу для указанія развитія общественной мысли, общественныхъ симпатій и антипатій. Религія перешла изъ области полемики въ область оцѣнки ея, какъ одного изъ проявленій жизни народовъ. Наука оказалась не особенною сферою, вліяніе которой ограничено небольшимъ кругомъ читателей-специстовъ, каедрою профессора и тетрадью ученика. Она оказалась подкладкою всего духовнаго развитія общества, политической силы государствъ, экономического процвѣтанія народовъ. Такимъ образомъ, вся человѣческая дѣятельность, матеріальная и духовная, развернулась предъ историками, какъ нѣчто цѣльное во всѣхъ ея проявленіяхъ какъ нѣчто несравненно болѣе важное исторически, чѣмъ хитрости дипломатовъ и придворныя интриги. Развитіе этой дѣятельности оказалось главнѣйшимъ предметомъ изученія для историка, при чемъ въ основу первыхъ потребностей, вызывающихъ рассматриваемую дѣятельность, легла природа въ ея топогра-

фическомъ и климатическомъ разнообразіи; какъ заключеніе же исторіи встали предъ историкомъ самыя сложные вопросы социологіи и личной нравственности.

Такъ какъ XVIII-й вѣкъ представляетъ попытку распространить научныя методы XVII-го столѣтія на всѣ области человѣческой мысли и, въ особенности, приложить ихъ къ вопросамъ социологическимъ, то немудрено, что именно XVIII-й вѣкъ далъ первыя попытки исторически и теоретически разработать различныя области того, что потомъ вошло подъ рубрики цивилизаціи или культуры. Уже въ 1755 году Маллэ спрашивалъ, почему исторія должна быть „лишь кучей незначительныхъ фактовъ и датъ, а не великой картиной мѣтій, обычаевъ и даже наклонностей народа?“ Въ 1758 году появился трудъ Готэ (*De l'origine des lois, des arts et des sciences et de leur progrès chez les anciens peuples*), а въ слѣдующемъ году „*Essai sur les mœurs*“ Вольтера, подготовленное уже за 19 лѣтъ предъ тѣмъ и гдѣ царь европейской мысли прямо говоритъ: „Я хотѣлъ бы знать, каково было тогда человѣческое общество, какъ жили внутри семей, какія искусства имѣли мѣсто, а не повторять разсказъ о многочисленныхъ несчастьяхъ и битвахъ, печальный предметъ исторіи и обычное проявленіе человѣческой злости“. Подъ его вліяніемъ жалобы на односторонность исторіи сдѣлались обычными, и къ концу вѣка Кондорсе посвящалъ часы своего предсмертнаго уединенія исторіи прогресса человѣческой мысли (*Esquisse des progrès de l'esprit humain*, 1795).

Въ Германіи движеніе началось нѣсколько позже, но одинъ изъ самыхъ раннихъ его представителей имѣлъ и самое обширное вліяніе на послѣдующую историческую литературу. Съ „Философіи“ исторіи (*Auch eine Philosophie der Geschichte der Menschheit* 1774) и со знаменитыхъ «Идей» Гердера (*Ideen zur Geschichte der Menschheit*, 1784—1794) начинается въ нѣмецкой литературѣ длинный рядъ сочиненій, гдѣ политическія столкновенія и личные интересы государей играютъ весьма второстепенную роль, но авторы ста-

раются уловить общія духовныя стремленія народовъ и эпохъ. Гердеръ разсматривалъ человѣчество какъ единое, и въ этомъ единствѣ видѣлъ живой зародышъ человѣческой исторіи. Родъ человѣческій представлялъ для него одно цѣлое, начавшее организоваться со своего появленія и долженствующее довершить свою организацію. Перевороты, по его мнѣнію, представляли развитіе силъ, покоящихся въ человѣкѣ и его обновляющихъ. Человѣческая культура представляла Гердеру существеннѣйшій элементъ исторіи, и обозначаетъ, по его опредѣленію, воспитаніе человѣка подъ вліяніемъ окружающей его среды и общества. Но разнообразіе обстоятельствъ не позволяетъ, по мнѣнію Гердера, допустить для своего человѣчества одной и той же культурной цѣли. Человѣчество стремится къ человѣчности (Humanität), но, по мнѣнію Гердера, главный законъ этого стремленія слѣдующій: повсюду на землѣ должно произойти лишь то, что можетъ тамъ получиться, частью по мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ, представляемымъ временемъ, частью по врожденному или развитишемуся характеру народностей. Цѣль законовъ и государственныхъ формъ — упражнять силы человѣка. Человѣкъ долженъ быть человѣкомъ и выработать себѣ положеніе сообразно тому, что онъ считаетъ лучшимъ. Человѣчность можетъ проявиться во всякомъ состояніи. Всюду человѣчество представляетъ то, что оно могло изъ себя сдѣлать. Остановка человѣческой исторіи въ разныхъ климатахъ на разныхъ формахъ есть ни что иное, какъ человѣчность, т. е. разумъ и справедливость. Родъ человѣческій долженъ пройти различныя степени культуры въ разнообразныхъ измѣненіяхъ. Отступленіе отъ этого закона Гердеръ считаетъ лишь кажущимся. По его мнѣнію, каковы бы ни были отклоненія, въ которыхъ извивается потокъ человѣческаго разума, каковы бы ни были углы, подъ которыми онъ преломляется, но онъ получилъ начало въ вѣчномъ потокѣ истины, и по своей природѣ не можетъ заблудиться на своемъ пути. По законамъ природы, съ теченіемъ времени долженъ разумъ и справедливость получить болѣе

мѣста между людьми и установить въ нихъ умѣ прочную человѣчность. Мы увидимъ, что эти начала, установленныя Гердеромъ, составляютъ еще точки исхода различныхъ партій и въ наше время. Только одни во имя единства человечества, во имя разума и справедливости, отыскиваютъ одну нормальную культуру для всего человечества. Другіе, напротивъ, во имя разнообразія условій природы и жизненной обстановки, предпочитаютъ различныя культурныя типы, какъ идеалы для различныхъ отраслей человечества.

Впрочемъ, надо замѣтить, что литература историческихъ трудовъ, вызванныхъ «Идеями» Гердера, стремилась несравненно болѣе къ тому, чтобы открыть формулу исторіи и внести въ ея теченіе метафизическія начала, чѣмъ къ разработкѣ фактической области, о которой идетъ рѣчь. Тѣмъ не менѣе время оказывало свое дѣйствіе и въ идеалистическаго стремленія, къ которому принадлежалъ Гердеръ и въ которомъ особенно разрабатывалась философія исторіи, въ лагерѣ рационалистовъ—просвѣтителей XVIII вѣка и ихъ позднѣйшихъ послѣдователей вышло не мало трудовъ въ области исторіи правовъ, знанія, искусства, религіи и т. в. Сюда относятся въ особенности многочисленные труды Майнера (*Geschichte des Luxus der Athenienser*, 1781; *Gesch. d. Ursprungs, Fortganges und Verfalls der Wissenschaften in Griechenland und Rom*. 1781—82, *Gesch. d. Verfalls der Sitten und Staatsverfassung der Römer*, 1782; *Grundriss der Gesch. aller Religionen*, 1785; *Gesch. des weiblichen Geschlechts*, 1788—98; *Historische Vergleichung der Sitten und Verfassungen etc., etc., des Mittelalters mit denen unseres Jahrhunderts*, 1793—1794; *Allgemeine kritische Gesch. der Religionen*, 1806—1807 и др.). Между обширной литературой предмета упомянемъ еще Фирталера (*Philosophische Gesch. der Menschen und der Völker*, 1767) и сочиненіе Галетти (*Allgemeine Culturgeschichte der drei letzten Jahrhunderte*, 1814), замѣчательное тѣмъ, что едва-ли авторъ не былъ первымъ, поставившимъ на своей книгѣ прямо задачу всеобщей исторіи культуры. Между специальными

исторіями заслуживаетъ въ этомъ отношеніи видное мѣсто: «Исторія культуры въ Даніи и въ Норвегіи» Нирупа (1804).

Впрочемъ, вся эта литература, несмотря на болѣе или менѣе громкія названія сочиненій, отличалась односторонностью. Матеріальные интересы и формы жизни большинства играли въ ней весьма малую роль, а на первый планъ выступали идеальныя стремленія, развитіе знаній, свободы мысли, права высшего общества, споры ученыхъ и т. п. Къ тому же весьма немногіе изъ этихъ трудовъ имѣли собственно историческое значеніе. Въ большинствѣ случаевъ, это были сочиненія чисто-тенденціозныя, гдѣ авторы боролись противъ опредѣленныхъ общественныхъ началъ и употребляли историческіе факты лишь какъ орудіе для доказательства своихъ взглядовъ на добро и зло, на общественныя и личныя требованія, на науку и религію.

Для послѣдующаго необходимо замѣтить мѣсто, данное цивилизаціи въ философіи исторіи Шарля Фурье. Онъ съ самаго начала въ своихъ сочиненіяхъ (*Theorie des quatre mouvements*, 1808; *Traité de l'association domestique agricole*, 1822) заявилъ намѣреніе «освободить человѣчество изъ хаоса цивилизаціи», и назвавъ цивилизаціею современный общественный строй, смотрѣлъ на него лишь какъ на переходную ступень къ высшему гармоническому строю, осуществимому лишь путемъ ученія его, Фурье. Этотъ смыслъ слова «цивилизация» остался большею частью лишь въ предѣлахъ школы фурьеристовъ.

Несравненно важнѣе для науки было вліяніе, оказанное на историческую литературу трудомъ Гэрена (*Ideen über Politik, Verkehr und Handel der Völker des Alterthums*, 1793), который подвергнулъ культурные элементы древнихъ обществъ самой серьезной обработкѣ, такъ что это сочиненіе потеряло свое научное значеніе лишь потому, что нашъ вѣкъ выставилъ на видъ необозримую массу матеріаловъ относительно древняго міра, въ особенности азіатскаго, матеріаловъ совершенно неизвѣстныхъ Гэрону. Съ тѣхъ поръ въ общія

исторіи все болѣе входитъ элементъ общественной жизни въ болѣе или менѣе обширномъ объемѣ, съ болѣе или менѣе искуснымъ сплетеніемъ этого элемента съ политическими событіями. Таково было положеніе литературы въ области, о которой мы говоримъ, когда въ Парижѣ, въ 1828 г., выступилъ на кафедру, среди аплодисментовъ восторженной молодежи, историкъ-публицистъ, удаленный уже нѣсколько лѣтъ отъ преподаванія, заявившій себя энергической оппозиціей министерствамъ Бурбоновъ, редакторъ «Globe» и «Revue française», издатель обширныхъ матеріаловъ по французской исторіи, глава французскихъ доктринеровъ, Гизо. Онъ начиналъ курсъ «Исторія цивилизаціи въ Европѣ».

Соединеніе политическаго, научнаго и литературнаго интереса привлекало всеобщее вниманіе Европы къ преподаванію знаменитаго тріумвирата профессоровъ: Кузена, Вильмена и Гизо. Властятая рѣчь, французское искусство придать видъ новости и самостоятельности идеямъ, заимствованнымъ изъ тяжелыхъ разсужденій нѣмецкихъ и шотландскихъ мыслителей, тайное сознаніе, что именно эта партія является смѣнить устарѣлыхъ приверженцевъ *ancien régime*, надежда на лучший общественный строй, намеки на который слушатели вносили собственнымъ воображеніемъ и въ лекцію о литературѣ XVIII вѣка, и въ диссертацию о свободѣ воли, и въ анализъ феодальнаго общества, — все это придавало лекціямъ трехъ знаменитыхъ профессоровъ обширное значеніе, неограничивавшееся Франціею. Отсюда то вліяніе, которое получилъ трудъ Гизо о цивилизаціи, независимо отъ его внутренняго достоинства, которое вообще было довольно значительно. Такъ какъ опредѣленіе, данное Гизо слову «цивилизація», и развитіе смысла этого слова, обусловило во многомъ послѣдующія разсужденія по этому предмету, то мы остановимся на тѣхъ выраженіяхъ, въ которыхъ на первой же лекціи Гизо пытался установить предѣлы и значеніе предмета своего курса.

Онъ прежде всего всталъ на точку фактической исторіи.

«Цивилизація, говорить онъ ¹⁾, есть фактъ наравнѣ съ другими фактами, фактъ, допускающій изученіе, описаніе, изложеніе его содержанія, какъ и всякій другой фактъ...

„Слово «цивилизация» уже давно вошло въ употребленіе во многихъ странахъ; понятія, связанныя съ этимъ словомъ, болѣе или менѣе ясны, болѣе или менѣе обширны; но, какъ бы то ни было, все повторяютъ это слово и понимаютъ другъ друга. Слѣдуетъ изучить именно смыслъ этого слова, смыслъ общій, человѣчественный, популярный. Обыденное значеніе самыхъ общихъ выраженій бываетъ обыкновенно вѣрнѣе опредѣлений науки, повидимому, болѣе точныхъ и строгихъ...

«Мнѣ кажется, что подъ словомъ цивилизація прежде всего слѣдуетъ подразумѣвать прогрессъ, развитіе. Въ нашемъ воображеніи тотчасъ возникаетъ представленіе о народѣ, который движется не въ смыслѣ измѣненія мѣста, а въ смыслѣ измѣненія состоянія, о народѣ, условія жизни котораго расширяются и улучшаются. Я полагаю, что идея прогресса, развитія есть основная идея, подразумѣваемая подъ словомъ «цивилизация».

«Главная трудность заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, какой это прогрессъ, какое это развитіе?

«Этимологія слова даетъ повидимому, отвѣтъ ясный и удовлетворительный: это улучшеніе жизни гражданской (civile), развитіе собственно общества, отношеній людей между собою.

«И дѣйствительно, при словѣ цивилизація является прежде всего эта идея; мы сейчасъ представляемъ себѣ болѣе широкія, болѣе дѣятельныя общественныя отношенія: съ одной стороны возрастающую производительность во всемъ, что составляетъ силу и благо общества; съ другой болѣе равномерное распредѣленіе выработанныхъ силъ и благъ между всеми членами общества.

«Но все ли это? Исчерпали ли мы этимъ естественный,

---

¹⁾ Guizot: «Histoire de la civilisation en Europe», изд. 1863, стр. 7—25.

обычный смысл слова «цивилизация»? Не заключает ли фактъ чего-либо иного?

«Это почти тоже, какъ бы мы поставили вопросъ: не составляетъ ли въ сущности родъ человѣческій не что иное, какъ муравейникъ? именно—общество, въ которомъ дѣло идетъ лишь о порядкѣ и благостояніи, гдѣ цѣль достигнута тѣмъ полнѣе и прогрессъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе сумма совершеннаго труда и чѣмъ справедливѣе распредѣлены продукты труда?»

«Истиннѣе человѣка не хочетъ примириться съ этимъ узкимъ понятіемъ о судьбѣ человѣчества. Ему кажется съ перваго же взгляда, что, подъ словомъ цивилизація слѣдуетъ подразумѣвать нѣчто болѣе обширное, сложное, возвышенное, чѣмъ простое совершенство общественныхъ отношеній силы и благосостоянія общества.

«Истиннѣе этотъ подтверждаютъ факты, общественное мнѣніе и смыслъ, придаваемый вообще этому термину...

«Можно назвать государства, въ которыхъ сравнительно съ прочими, благостояніе значительнѣе, растутъ быстрѣе и распредѣлено между личностями равномѣрнѣе, а, между тѣмъ, непосредственный истиннѣе, общій здоровый смыслъ людей, призналъ, что эти государства стоятъ на низшей ступени цивилизаціи, въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ собственно социальный бытъ хуже. Отчего это? Что даетъ этимъ, послѣднимъ странамъ право, съ избыткомъ пополняющее въ глазахъ человѣка все остальные недостатки, въ нихъ встрѣчающіеся?

«Въ нихъ совершилось другое развитіе, развитіе жизни индивидуальной, внутренней, развитіе самаго человѣка, его способностей, чувствъ, идей... Если благоустройству общества тамъ недостаётъ многого, — за то человѣчество проявилось тамъ съ большимъ величіемъ и могуществомъ. Общественный строй требуетъ многихъ улучшеній, за то въ области мысли и нравственности сдѣланы громадныя завоеванія; многимъ людямъ тамъ недостаётъ значительнаго числа благъ и правъ, за то тамъ много великихъ людей привлекаетъ глаза всего свѣта. Тамъ процвѣтаютъ: литература, искусства, наука. Воздѣ, гдѣ человѣчество замѣчаетъ сіяніе этихъ великихъ, прославленныхъ